

МОЙ КСЕНИЯ БУРЖСКАЯ БЕЛЫЙ

INSPIRIA

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Издательство выражает благодарность
литературному агенту *Анне Сухобок*
за помощь в приобретении прав

Буржская, Ксения.

Б91 Мой белый / Ксения Буржская. — Москва : Эксмо, 2021. — 256 с.

ISBN 978-5-04-118090-4

Если смешать все оттенки видимой части цветового спектра, то получится белый. Цвет снега. Цвет рамочки полароида. Цвет флага, который выбрасывают, если сдаются, потому что больше нет сил выдерживать боль или любовь, нет сил надеяться. Старшеклассница Женя связывает с белым цветом самые драгоценные моменты своей жизни — когда ее мамы были вместе, и в их общий дом еще не пришла измена; когда на белоснежных листах бумаги, она писала новые и новые письма музыканту Лене, чувства к которому захватили все ее существо. Человеческая близость, человеческое счастье — есть ли что-то более хрупкое? Даже первый снег, кажется, лежит на земле дольше.

У книги Ксении Буржской есть волшебное свойство — после ее прочтения начинаешь острее чувствовать кожей прохладные потоки счастья и то, как они день за днем безвозвратно тают в ежедневной суете. Да, ничего нельзя вернуть или удержать, но можно вовремя нажать на кнопку «внутреннего полароида».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Буржская К, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-118090-4

Предисловие

Ксения Буржская написала маленький ослепительный роман, ослепительный в буквальном смысле: столько в нем слепящего солнца, столько слепящего снега, столько белизны, столько воды. И вспышки фотоаппарата, запечатлевающего мгновения жизни.

Дороги, города, снегопады, пляжи, коробки с вещами, поезда, запахи гвоздики и дыма, «сосульки, как бороды лесных царей», рыбы и острова, и снова дороги. И письма, письма, письма,

Это роман о любви, где все любят всех: девочка — мальчика, женщина — женщину, дочка — своих матерей, и вот уже всё смешалось, и вот уже не различить, кто кого любит и кто кого сводит с ума, потому что тут во всю силу звучит, и поет, и поднимается к темному, заснеженному, набухшему тучами небу чистый голос того высокого, того невыразимого

чувства, торжества, экстаза, стремления, рвения, счастья, смешанного со страданием, но никогда, никогда не спускающегося в низины нытья, канюченья и вялой депрессии.

В этом романе много слез, но нет горя. В этом романе много разлук, но нет пустоты и отчаяния.

Всё — на взводе. Всё — на взведенном курке. Все — на натянутой тетиве. И — да, ружье стреляет; да — стрела вылетает и пронзает сердце, и одно, и другое, и третье, или что ей там полагается пронзать, но никого не убивает, потому что всё это — радость. Все это — торжество жизни. Все это — любовь. Огромная охапка снежных роз. И солнце.

И никто никогда не умрет.

Татьяна ТОЛСТАЯ

Однажды утром белка написала письмо муравью:
Дорогой муравей!
Я хочу тебе кое-что сказать,
но, наверное, лучше об этом написать.
Поэтому я и пишу.
Хотя, может быть, лучше все-таки сказать.

Белка
Тоон Теллеген.
Письма только для своих

Те, кто любил нас, ничему нас не научили.
Нас всему научили те, кто нас не любил.

Линор Горалик.
Три текста

Глава 1

ВЕРА

Моя мать любила не меня. Я отвечала ей тем же: мы обе были влюблены в одну и ту же женщину по имени Вера, крепкую и уверенную в своей правоте, нервную, как натянутая струна, и сильную, как мистраль. Возле нее мы обе ощущали себя спокойно, засыпали лучше всего, прижавшись к ней, и сны нам снились одинаково безопасные. Глядя на родителей, я часто думала о том, как такие непохожие люди могут быть вместе. Они умели радоваться миру: мы много путешествовали, даже чересчур. С самого дна своего детства, там, где заканчивался живот и начинался воздух, я помню себя в самолетах, автомобилях и поездах, в постоянном движении сквозь белое туманное пространство, насквозь испещренное косыми солнечными лучами. Мы были дорогой, постоянно убегающей от себя. До восьми лет я знала, кто я и чего мне ждать. Каждый год

Ксения Буржская

мы переезжали: собирали вещи, запихивали их в машину и ехали. Я научилась спать в гостиничных номерах между матрасами: кровати сдвигали, и я забиралась между мамой и Верой, чтобы почувствовать себя в гнезде. Мама и Вера — вместе — были моим единственным настоящим домом.

Мы катались на лыжах, рассматривали картины в музеях Италии, жили на старой ферме с гусями и в трейлере на колесах, плавали на острова, ныряли со скал и глазели на рыб в огромных аквариумах. Мама и Вера казались мне воплощением свободы, но совершенно не были ею.

Абсолютно свободной от предрассудков случайно, как будто это побочный эффект их воспитания, стала я.

Мама ничего не понимала в маленьких людях. Иногда мне казалось, что она сама — такой же ребенок, так нелепо и непоследовательно она себя вела. Она могла вдруг обидеться на какую-то мою детскую игру и со злостью уйти в себя. Тогда я стояла и просила ее простить меня, взять меня на руки. Она прощала, но через минуту снова просила меня прекратить, что бы я ни делала, и сесть смиренно, чтобы не мешать ей сосредоточиться.

Мама писала картины и могла долго сидеть перед чистым холстом: сложнее всего начать. Вера

Мой белый

отчего-то была строгой с мамой и мягкой со мной. Она разрешала мне все, и просить сладости после ужина я бежала именно к ней. Они были как добрый и злой полицейский, и я не представляла, что значит потерять кого-то из них. Не понимала я и причин этой мягкости: в том, что Вера не может иметь детей, не было нашей вины, но мама все равно чувствовала себя виноватой, поэтому делилась мною больше, чем следовало.

В итоге мне было проще с Верой, по крайней мере до тех пор, пока она не ушла. После этого мне стало сложно с ними обеими.

Каждый наш переезд из дома в дом был бегством — такое впечатление, что мама и Вера пытались найти свое место, общее на двоих, но из-за того, что ничего общего между ними не было, сделать это было не так-то просто. Там, где хорошо одной, не нравилось другой. Вера была более настойчива, а мама — категорична в своих суждениях, и если уж маме не нравилось что-то, то она даже не делала попытки принять. А если Вере не нравилось — мы просто собирали коробки. В нашей семье было одно правило переездов — каждый берет с собой на новое место только одну коробку. Коробки Вера покупала на почте и приносила толстой стопкой гладкого картона. Потом мы склады-

Ксения Буржская

вали их, и картон обретал объем. Вера говорила, что так в самолете надуваются подушки для сна — разреженные молекулы воздуха становятся больше. Между мамой и Верой воздуха всегда было мало. Я залезала к ним утром в постель, и они начинали целовать меня, мне это нравилось больше, чем когда они целовали друг друга. В своем праве на владение обеими я была абсолютно уверена. Они сдавались без сопротивления. Коробки были слишком малы для моих сокровищ. Вера категорически запрещала мне брать «лишнее»: во-первых, у нас была только одна машина, во-вторых, это «лишнее». Я никак не могла понять, откуда она знает, что лишнее, а что нет. Мама понимала, что все — нужное, но переубедить Веру не могла. Она и сама расставалась с дорогим сердцу хламом, однако фотографировать вещи, которые не уцелеют, придумала я. На пятилетие мне подарили полароид, чтобы он стал моей дополнительной коробкой — для еще восьми вещей по числу карточек в картридже, но половину я всегда тратила просто так. Мама сначала помогала мне снимать, выстраивала кадр, учила разбираться в композиции, но я не планировала заниматься искусством. Часто у меня просто не было времени подумать над кадром — я забирала в свою коробку памяти не только собственные

Мой белый

«лишние» безделушки, но и чужие – вещи, которые мне хотелось бы иметь или те, что нельзя сохранить: нужно съесть или оставить. Я снимала города и квартиры, из которых мы уезжали, свою кровать, где бы она ни находилась, обувь, из которой вырастала. Я сняла рваную футболку с пчелкой и коробку от хлопьев. Я сняла собаку моей бабушки – рыжую с подпалинами, чужого надувного крокодила на пляже, шлюпку на большом круизном корабле, воду в душе, которая исчезает в сливе, шоколадный королевский пирог с сюрпризом, который мне так и не достался, маму, которая целует Веру.

Глава 2

СНЕГ

На самом деле начать нужно было иначе. Меня зовут Женя, мне шестнадцать. Я люблю худрука нашего музыкального кружка, его зовут Леня. Моя мама и моя вторая мама, Вера, не живут вместе уже восемь лет. Они расстались друг с другом, но не со мной. Потому что я их общее произведение. Вера – та, кто дает вам надежду и делает материнство возможным. Она это сделала для моей мамы. И для себя.

Ксения Буржская

Через месяц у меня новогодний концерт. У нас: у меня и Лени. Я не жду, что мама и Вера — они обе — придут на него. Если честно, мне вообще все равно, придет ли хоть одна из них. Для меня важнее всего, чтобы Леня меня увидел. Хочу ему нравиться, вот и все. Просто хочу ему нравиться.

Сейчас декабрь, а снега все еще нет. Возможно, это связано с глобальным потеплением, хотя с физикой у меня не очень, и я не до конца понимаю, что это значит.

В субботу я решила поехать на старую дачу. Это просто: я говорю маме, что еду к Вере, говорю Вере, что к маме, а сама в электричке еду. Как в мультфильме про Простоквашино. Если бы у меня была другая жизнь, я бы провела ее здесь. Например, с Леной. Я знаю, что мама и Вера будут сверять мое алиби, только если я исчезну, потому что предпочитают не разговаривать без повода. Но я не планирую исчезать. Я взяла пиццу, пиво, коробку с памятью и инструкцию «Как разжечь камин». Я скачала ее из интернета и распечатала на принтере. До сих пор я никогда не разжигала камин самостоятельно, но теперь этот день настал. Хочется сказать, что я стала взрослой, но нет. Просто захотелось приехать сюда и подумать. Или, наоборот, — потупить. Когда тебя переполняет любовь, хочется бегать из угла

Мой белый

в угол, чтобы она расплескалась, а потом упасть и лежать — опустошенной. А потом снова бегать. Любовь накатывает волнами, и быть дома в этот момент невозможно.

Приехала и села на заваленные прошлогодними листьями ступени: ни облачка, ни души. В моем рюкзаке зубная щетка, трусы, майка для сна, толстовка и две тетради для писем Лене. Я могла бы писать их прямо в телефоне, но для него это слишком холодное время. Он может внезапно выключиться, матери до меня не дозвонятся, и начнется переполох. Хотя, возможно, им было бы полезно встретиться и поговорить, но вряд ли это будет эффективно. Мы уже несколько лет не бываем на старой даче.

Этот дом был подарком Веры — она хотела, чтобы у мамы была мастерская подальше от людей, поближе к природе. Думаю, Вера просто хотела спрятать ее подальше от цивилизации. Что ж, она просто немного не успела. Маме всегда было сложно противостоять соблазнам, особенно если их можно писать. В общем, мама не хотела ездить на дачу, потому что это напоминало ей о том, что этот дом так и не стал семейным домом счастья. Как будто дом виноват, что на него возлагали какие-то надежды. Это обычный дом, если подумать: веранда, две спальни и несколько сосен на участке. А чего